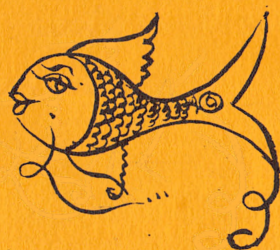

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

Николай Олейников

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
НЬЮ-ЙОРК • 1982

ОЛЕЙНИКОВ, Николай Макарович.
ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ.
Предисловие Л. В. Лосева.

OLEYNIKOV, Nikolai.
Ironicheskie Stikhi (Ironical Verses).
Preface by L. Loseff

Оформление Веры ДРАЖЕВСКОЙ

Library of Congress Catalog Card Number: 82-60177.
ISBN: 0-940294-04-4.
© by SILVER AGE PUBLISHING.

УХМЫЛКА ОЛЕЙНИКОВА

„Я могу по пальцам перечислить людей, которые сохраняли трезвую голову”, — пишет Н. Я. Мандельштам и перечисляет — трех. Один из них — Олейников, „человек сложной судьбы, ранее других сообразивший, в каком мы очутились мире”.¹

У Надежды Мандельштам и Евгения Шварца были разные знакомые, но характерно, что и Шварц, вспоминая Олейникова, говорит о нем, как об одном из трех крупных людей его круга: „Был Олейников необыкновенно одарен. Гениален — если говорить смело. Как случается с умными, сильно чувствующими людьми, он и мыслил ясно...”²

Вообще образ Олейникова крепко запечатлевался в памяти всех, кто знал его, хотя бы даже и мельком, но за исключением, пожалуй, Шварца, мемуаристы ничего не могут поделать с этим ярким своим воспоминанием. Их попытки представить нам живого Олейникова почти так же тщетны, как бывают попытки рассказать сон. Из мемуара в мемуар кочует набор олейниковских анекдотов.

Олейников подпоил председателя сельсовета и получил справку:

СПРАВКА

Сим удостоверяется, что гр. Олейников Николай Макарович действительно красивый. Дана для поступления в Академию художеств.

Подпись. Дата. Печать.³

Желая проехать за счет исключительной популярности олейниковского детского журнала „Еж”, кондитерская фабрика выпустила конфеты под тем же названием и попросила Олейникова сочинить стихотворную рекламу. Николай Макарович тут же сочинил:

Утром съев конфету „Еж”,

В восемь вечера помрешь.

Любимый тост Олейникова: „Выпьем за дам, строительниц социализма!”

Олейников ходил по коридорам Дома книги на четвереньках.

Когда читаешь или слышишь все это в третий, четвертый, одиннадцатый раз, начинаешь понимать, как мало мы в сущности знаем об Олейникове. Когда-то очень давно я повстречался с сыном поэта, Александром. Он ребенком лишился отца, но, казалось, мог знать больше, чем остальные, из воспоминаний матери. Но нет, и от него я услышал только про справку, про конфету „Еж”, про четвереньки.

Так же и все творческое наследие Олейникова, полсотни стихотворений (в данной книге предлагается наиболее полная подборка), в неизменном, в основном составе кочевало из дома в дом, из поколения в поколение. Сам я, помню, сколько раз перестукивал эти стихи на машинке для друзей.

Эпоха, в которую жил Олейников, не располагала к ведению дневников и собиранию личных архивов. Слишком часто ящики письменных столов потрошились следователями НКВД, а дневник легко мог стать материалом обвинения. Сведения об Олейникове сохранились только в памяти уцелевших, только в изустном предании, только в анекдоте. На бумаге сохранилось лишь то, что прямо-таки вопияло о своей невинности, безобидной аполитичности, простодушной шутливости.

Среди прочих вещей, которые, видимо, ранее других сообразил мысливший ясно Олейников, было то, что в страшноватом мире советских тридцатых годов, чтобы предотвратить или хотя бы отдалить гибель, нужна маска. Собственно говоря, красавец-шутник, кочующий по страницам мемуаров (кроме записок Шварца), это не столько Н. М. Олейников, сколько Макар Свирепый — один из комических псевдонимов писателя.

Сведения о подлинной жизни Олейникова разрозненны и недокументированы.

Известно, что он родился в 1898 году в станице на Дону, в семье, кажется, кабатчика. Во всяком случае, и свою семью, и казачью среду он ненавидел достаточно сильно, чтобы в гражданскую войну примкнуть к красным и вступить в большевистскую партию. Говорят, что казаки пороли его, отступника, шомполами зверски. А зря — кто только в этой партии не перебывал в чаянии светлого будущего: Ключев, например, Замятин, Бабель...

После гражданской войны Олейников сотрудничал в газете „Молот” в Ростове-на-Дону, а потом в донбасской „Всесоюзной кочегарке”, в городе Бахмуте. Весной 1923 года в Бахмут — к родителям подкормиться — приехал из Петрограда молодой Евгений Шварц с приятелем, „серапионовым братом” Михаилом Слонимским. Вслед за новыми друзьями Олейников в 1925 году перебрался в Ленинград.

Он служил под началом Маршака в детской редакции Госиздата, редактировал периодами детские журналы „Еж” и „Чиж”, для которых и сочинял всякую всячину. Да и помимо работы в журналах он издал уйму детских книжек.

Как и Шварц, Олейников не был обэриутом. Метафизические искания и семантические опыты Введенского, Хармса, молодого Заболоцкого, Бахтерева, Липавского были для него таким же излюбленным объектом пародирования, как и русский романс, как и надсоновщина, как и символизм. С друзьями-обэриутами было у него другое общее дело — детская литература.

Эта детская литература (обозначение относительно условное), организованная и руководимая Маршаком, незаметно для самого неугомонного руководителя выросла в совершенно уникальное в мировой словесности явление, продолжающее разрастаться на русской почве и по сей день. Эстетика и поэтика этого течения

целиком основывалась на иронической двусмысленности, двуадресности. Подлинным зачинателем этой школы был не энергичный коллективист Маршак, а капризный индивидуалист Чуковский.

Именно Корней Иванович Чуковский с его острым интересом к тому, как десятилетиями русские писатели изловчались само свое увертывание от цензуры обращать в художество, именно Чуковский первым наткнулся на золотую жилу детской литературы. Он стал сочинять так, чтобы текст одновременно был словесной игрой для детей и ироническим иносказанием для взрослых. Система, открытая Чуковским, обладала по сравнению с испытанными приемами эзоповского писательства двумя преимуществами: в плане отношения между автором и читателем она позволяла достичь неслыханно массовой аудитории — ведь книжки маленьким детям читают взрослые, к тому же прочитанное в детстве запоминается на всю жизнь, и потом, во взрослые годы, может быть переосмыслено; во-вторых, в художественном плане такая двусмысленность придавала тексту как бы новое измерение, позволяла талантливому автору использовать все богатство иронических техник, в первую очередь пародии.

Приход обэриутов Олейникова, Шварца в детскую литературу нередко объясняют случайностью (Маршак уговорил) или компромиссом (деньги были нужны). Хотя оба обстоятельства сыграли свою роль, они вряд ли объясняют весь этот взрыв творческой активности, этот литературный пир во время сталинской чумы. Нет, объяснение этого чуда в другом — именно в тех небывалых, прежде неразработанных творческих возможностях, которые предоставляла новая форма. Я не побоюсь сказать, что в ряде случаев, особенно у Хармса, опубликованные „детские” вещи с большей силой выразили его уникальный талант, чем неопубликованные, написанные для узкого круга и в письменный стол.

Мы не переоценим исторического значения литературной деятельности Олейникова и его друзей, если скажем, что вслед за автором „Крокодила” и „Тараканища” они спасли несколько поколений русских детей от духовного растрепания пропагандой, прививая им иронию и здоровый скептицизм. Если у нас в результате выросло больше Швейков, чем Мальчишей-Кибальчишей, то слава Богу и вечная память за это авторам „Ежа” и „Чижа”.

Ни Олейникову, ни его друзьям не удалось спастись от террора. Уже в 1935 году ретивый доносчик писал в „Правде” о книжке Олейникова „Танки и санки”: „Ничего не может быть гнуснее, когда под видом рассказа о прошлом Красной Армии детям преподносится клевета на Красную Армию, опошление героической борьбы против белых и интервентов. (...) Книжка вредна. Ее нужно изъять”.⁴ Изъяли не только книжки. В 1937-м изъяли и автора. Официальная дата его смерти в лагере — 1942 год. „Ираклий Андроников (...) приехал по делам из Москвы и рано вышел из дому. Смотрит, идет Олейников. Он крикнул: „Коля, куда так рано?” И тут только заметил, что Олейников не один, что по бокам его два типа с винтовками. (...) Николай Макарович оглянулся. Ухмыльнулся. И все!”⁵

Из полусотни, не считая „Картинной галереи”, собранных в этой книжке стихотворений, две трети — „стихи на случай”. Если учесть, что и оставшуюся треть можно рассматривать (как делает, например, Л. Флейшман) как пародии на произведения друзей и знакомых, то возникает вопрос, можно ли вообще говорить об Олейникове как о самостоятельном поэте.

Николай Чуковский, например, в своих любопытных воспоминаниях пишет, что все это стихотворчество было лишь игрой, возникшей между Шварцем и Олейниковым на манер создателей Козьмы Пруtkова.⁶

Пародийные экспромты, стишки на день рождения (особенно когда нет денег на подарок) процветали

в обэриутской среде так же, как в любом литературном кругу. И все же импровизации талантливейшего Шварца, шуточные сочинения великого поэта Заболоцкого почти все забылись, а олейниковский корпус сохраняется и передается из поколения в поколение, когда уже все меньше адресатов этих посланий и эпиграмм остается в живых и когда уже некому разъяснить, кто же такая была Генриетта Давыдовна („Я влюблен в Генриетту Давыдовну...”), не говоря уже о Любочке Брозелио („У Брозелио, у Любочки...”).⁷ Самостоятельная художественная ценность стихов Олейникова с годами становится все более очевидна. Но в чем же она? В чем неповторимость Олейникова?

Нам известны только два серьезных подступа к Олейникову: статья Л. Флейшмана „Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обэриуты)”⁸ и мемуарный очерк Л. Я Гинзбург „О Заболоцком конце двадцатых годов”.⁹

У Флейшмана интересны наблюдения над пародийной природой олейниковской поэзии. Он считает, что „работу Олейникова с ее демонстративной установкой на пародийность следует рассматривать не просто как одну из ветвей обэриутского творчества, но и в специфическом ключе как обэриутское „автопародирование”, как пародирование самого „обэриутства” (...) „Случаям” Хармса соответствует пародийно воскрешаемый Олейниковым жанр „стихов на случай”, „трагизму” Хармса — гедонизм технорука, аэротизму Хармса — олейниковские мадригалы и любовные романсы. Пародируется и противоположный обэриутский фланг — натурфилософия Заболоцкого. Объектами пародирования становятся вместе с тем и бахтинская теория „сочиненного слова”, и тыняновская концепция эволюции поэтических жанров...”¹⁰

Но Флейшман рассматривает Олейникова в каком-то уж очень узковедомственном филологическом аспекте, словно бы интересы поэта были сосредоточены

на страницах университетских „Ученых записок”. Олейников предстает у Флейшмана наподобие какого-то аспиранта, отражавшего в своих сочинениях идеи профессоров — Марра, Бахтина, Фрейденберг. Увлеченный „филологизированием” Олейникова Флейшман допускает чудовищные натяжки: „...место, занимаемое в олейниковской лирике темами „эротической” и „гастрономической”, и переплетение их — свидетельствуют о знакомстве Олейникова с проблематикой, выдвинутой в трудах Фрейденберг об архаической поэтике сюжета и жанра”.¹¹ Право, „И снова котлета, Я снова любил...” заслуживает менее схоластического подхода. По той же логике можно было бы предполагать, что стихи на день рождения хирурга Грекова свидетельствуют о знакомстве Олейникова с проблематикой, выдвинутой в трудах Грекова о спазме баугиниевой заслонки слепой кишки.

Не прав Флейшман и в том, что он рассматривает творчество Олейникова только в контексте Обэриу и заумничества в целом. А ведь эмпирически поэзия Олейникова почти ничего не дает для такого подхода: приемы десемантизации, то есть определяющие моменты поэтики Введенского, Хармса, раннего Заболоцкого, почти не представлены у Олейникова, а если и встречаются, то носят пародийный, как справедливо замечает сам Флейшман, по отношению к этой поэтике характер.

По-настоящему самобытность олейниковской поэзии определяет Л. Я. Гинзбург, которая сближает творчество Олейникова с творчеством Заболоцкого тридцатых годов (а не периода „Столбцов”!) и называет ее оригинальный формообразующий элемент а н т и ц е н н о с т ь ю: „...с Заболоцким тридцатых годов сближается Олейников с его гротескной стихией „галантерейного” языка, в новом облиции. В качестве языка любви, любовной лирики, „галантерейный” язык выражает сознание людей, уверенных в том, что на месте ценности — мерзость, но что в хорошем обществе о мерзости говорят так, как если бы на ее месте была цен-

ность. Это язык подложной эротики, мещанского эстетизма. Антиценность в поэзии всегда соотнесена с ценностью, явной или подразумеваемой. И у Олейникова сквозь все гротескные наслоения слышится подлинный голос поэта".¹²

Иными словами, Олейников — это Зощенко поэзии, в основе его поэтики — не заумь, а сказ.

Постоянно эксплуатируемый Олейниковым прием обращения к конкретным адресатам отнюдь не пародийное воскрешение старого жанра „стихов на случай", как полагает Флейшман, словно забывая, что „стихи на случай" уже Державин и Пушкин нередко писали пародийно. Эта подчеркнутая коммуникативность его поэзии служит созданию своеобразного образа Автора („Я", „Олейников"). Обращая в разные стороны гротескную маску „технорука Макара Свирепого", автор следует своему высокому призванию: маска технорука в этом отношении неотличима от рубища пушкинского или лермонтовского пророка. Олейников не натурфилософ, как Заболоцкий, не метафизик, как Введенский и Хармс, и уж конечно, не бонвиван и красавец со справкой. Он — пророк, обличитель, взыватель к совести. Такова была его роль в поэзии.

В чумные времена сохранялся в Ленинграде остров культурного этоса. Невидимые силовые линии — привычных интонаций, намеков, шуток — связывали между собой нескольких поэтов, их друзей и подруг. Но такие силовые линии не рождаются сами по себе. Нужны особые люди, чтобы их генерировать и поддерживать, творцы и хранители традиции. Такова была роль Олейникова в жизни, „бездны мрачной на краю".

В жизни край мрачной бездны прикидывался гранитным тротуаром вдоль безобидного канала Грибоедова, с грязным снегом зимой и плавными зелеными водорослями летом. Большая часть жизни проходила под стеклянным глобусом Дома книги, в редакционных комнатах, или напротив, через мост, в воспетой Заболоцким „глуши бутылочного рая".¹³

Я, родившийся в год ареста Олейникова, еще помню это заведение. Помню, как летним утром 1954 года мы с отцом пили там цимлянское выдохшееся вино, и он рассказывал мне о том, как, бывало, сходились здесь сотрудники „Чижа”. Потолок заведения был весь из узких зеркальных долек, продержавшихся всю войну, несмотря на обстрелы. Так что у Заболоцкого „по потолкам они качали бедлам и пр.” — вполне реалистический образ. В компании Олейникова это заведение называлось „Под тещей”. Почему, была ли когда-нибудь какая-то теща на самом деле, отец не помнил.

Прошли еще годы. Стали строить вход в метро, и угол первого этажа старого дома, где находилось заведение „Под тещей”, понадобилось снести. Теперь там выемка, пустое место.

Л. В. ЛОСЕВ

Hanover, New Hampshire

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ

¹ Н. Я. Мандельштам. Вторая книга, Paris, YMCA-Press, б/д, стр. 343.

² Е. Л. Шварц „Превратности характера”. Цитируется по рукописи, в настоящее время подготавливаемой к публикации.

³ Цитируется по воспоминаниям Ник. Чуковского в сб. „Мы знали Евгения Шварца”, Л.—М., „Искусство”, 1966, стр. 29. Иногда мемуаристы сообщают другие варианты этой справки.

⁴ Г. Фрадкин. „Танки и санки”, „Правда” от 6 апреля 1935 г.

⁵ Л. Жукова. „Справка с печатью”. „Новое русское слово” от 8 ноября 1981 г.

⁶ См. „Мы знали Евгения Шварца”, стр. 30-31.

⁷ См. примечания к тексту стихов.

⁸ В кн. Н. М. Олейников, Стихотворения, Studien und Texte No. 5 (1975), Bremen, K-Presse, стр. 3 – 18. Это единственное издание стихов Олейникова, предшествующее настоящему. Бременский сборник выпущен ротационным способом, небольшим тиражом, несколько меньше данного по объему и, по нашему мнению, уступает данному в отношении аутентичности текстов.

Л. Флейшман пишет „обериуты“. В литературе чаще всего встречается „обереуты“. Мы, следуя крупнейшему специалисту в этой области М. Б. Мейлаху, придерживаемся написания „обэриуты“. Именно так аббревиовали название своего „Объединения реального искусства“ сами Введенский и Хармс.

⁹ В кн. „Воспоминания о Заболоцком“. Сост. Е. В. Заболоцкая и А. В. Македонов. М., Сов. писатель, 1977, стр. 120–131.

¹⁰ Стихотворения, стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 15.

¹² „Воспоминания о Заболоцком“, стр. 124-125.

¹³ Л. Жукова (см. прим. 5) пишет, что излюбленным местом сборищ Олейникова и его друзей была пивная под Думой, т. е. через Невский, а не через канал от Дома книги. Мой отец, поэт Владимир Лифшиц, и художник Борис Семенов, оба в прошлом сотрудники „Чиж“, всегда рассказывали мне о заведении напротив Дома книги через канал, т. е. на углу канала Грибоедова и четной стороны Невского, которое в их среде называлось „Под тещей“. К тому же антураж стихотворения Заболоцкого из „Столбцов“ „Красная Бавария“ („Красная Бавария“ – пивной завод в Ленинграде) – это „Под тещей“ (зеркальный потолок!). Официальное название было „Культурная пивная“. „Культурную пивную“ описывает и Н. Степанов (см. в „Воспоминаниях о Заболоцком“, стр. 92-93).

ПРИМЕЧАНИЯ К СТИХОТВОРЕНИЯМ

АДРЕСАТЫ НЕКОТОРЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ ОЛЕЙНИКОВА

Сотрудники детской редакции Госиздата и журналов „Еж” и „Чиж”:

Е. Л. Шварц (1896–1958), известный драматург, писатель.

Т. Г. Габбе (1903–1960), детская писательница, редактор.

Жена С. Я. Маршака. Провела несколько лет в концлагерях.

А. И. (Шурочка) Любарская, редактор, в ее обработке выходили для детей народные сказки.

Т. Н. Глебова, Генрих Левин – художники-иллюстраторы.

Генриетта Давыдовна (Груня). Л. Жукова называет ее Домбровской, машинисткой, и женой заместителя начальника ленинградского НКВД. Чуковский и некоторые другие авторы дают фамилию Левитина (девичья?) и называют ее должность несколько выше: зав. редакцией. Впрочем, все мемуаристы сходятся на том, что Г. Д. была очень красивой женщиной.

Иван Иванович Греков (1867–1934), выдающийся русский хирург.

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955), крупнейший филолог-классицист, двоюродная сестра и на протяжении всей жизни интимный друг Б. Л. Пастернака. 1932 год, к которому относится олейниковское послание, был едва ли не самым удачным в трудной жизни О. М.: в этом году она получила кафедру классической филологии ЛИФЛИ (Ленинградский институт философии, литературы, истории). Уже тот факт, что О. М. в это время была далеко немолода, проливает свет на сугубо шутивную природу любовных излияний Олейникова.

— — —

Ей же („Я – мерзавец, негодяй...”). В (ильгельм Фридрих) Оствальд (1853–1932), известный немецкий химико-физик и философ (Нобелевская премия по химии 1905). На него обрушивался Ленин за то, что Оствальд считал единственной реальностью энергию, а материю лишь формой проявления энергии. Особенной популярностью пользовалась книжка Оствальда „Несостоятельность научного материализма” (русское издание 1895).

Вы, техники, создавшие сачок — для
бабочек капкан,—
Изобретатели застёжек, пуговиц,
петличек
И ты, создатель соуса-пикан!
Бирюльки чудные — идеи ваши — мне всего
дороже.
Они томят мой ум, прельщают взор...
...Хвала тому,
Кто сделал пуделя на льва похожим
И кто придумал должность — контролер!

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ГЕНРИХА

Прочь воздержание. Да здравствует отныне
Яйцо куриное с желтком посередине!
И курица да здравствует, и горькая ее печенка,
И огурцы, изъятые из самого крепчайшего бочонка!

И слово чудное "бутылка"
Опять встает передо мной.
Салфетка, перечница, вилка —
Слова, прекрасные собой.

Меня ошеломляет звон стакана
И рюмок водочных безумная игра.
За Генриха, за умницу, за бонвивана
Я пить готов до самого утра.

Упьемся, други: в день его выздоровленья
Не может быть иного времяпровожденья.

Горчицы с уксусом живительным составом
Душа его пусть будет до краев напоена.
Пушай его ногам, и мышцам, и суставам
Их сила будет прежняя и крепость их
возвращена.

Последний тост за Генриха, за неугасший пыл,

За все за то, что он любил:
За грудь округлую, за плавные движенья,
За плечи пышные, за ног расположение.

Но он не должен сочетать куриных ног
с бесстыдной женской ножкой,
Не должен страсть объединять с питатель-
ной крупой,
Не может справиться с подобною окрошкой
Красавец наш, наш Генрих дорогой.

Всему есть время и всему есть мера:
Для папирос — табак, для спичек — сера.
Для вожделения — девица,
Для насыщенья — чечевица.

**КРАСАВИЦЕ, НЕ ЖЕЛАЮЩЕЙ ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРКАССКОГО МЯСА**

Красавица, прошу тебя, говядины не ешь.
Она в желудке пробивает брешь,
Она в кишках кладет свои печати.
Ее поевши, будешь ты пиццати.
Другое дело — кролики:
По калорийности они
Напоминают солнечные дни.

ШВАРЦУ

Ты устал от любовных утех.
Надоели утехи тебе.
Вызывают они только смех
На твоей на холеной губе.

Ты приходишь печальный в отдел,
И отдел замечает, что ты
Похудел, подурнел, побледнел,
Как бледнеть только могут цветы.

Ты — цветок! Тебе нужно полнеть.
Осыпаться пылью и для женщин цвести...
Дай, о дай им возможность иметь
Из тебя и венки, и гирлянды плести.

Ты, как птица, вернее, как птичка,
Должен пикать, вспорхнувши в ночи!
Это пиканье станет красивой привычкой...

Ты молчишь... Не молчи... Не молчи...

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПАЙЩИК

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой.
Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

НА ИМЕНИНЫ ХИРУРГА ГРЕКОВА

Я пришел вчера в больницу
С поврежденною рукой.
Незнакомые мне лица
Покачали головой.

Осмотрели, завязали
Руку бедную мою,
Положили в белом зале
На какую-то скамью.

Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Лучевую кость находит
Локтевой невдалеке.

Лучевую удаляет
И, в руке ее вертя,
Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.

Молодец, профессор Греков,
Исцелитель человеков!
Ты умеешь все поправить.
Хирургии властелин.

Честь имею Вас поздравить
Со днем Ваших именин.

СУПРУГЕ НАЧАЛЬНИКА
(НА РОЖДЕНИЕ ДЕВОЧКИ)

На хорошенький букетик
Ваша девочка похожа.
Зашнурована в пакетик
Ее маленькая кожа.

В этой крохотной канашке
С восхищеньем замечаю
Благородные замашки
Ее папы-негодяя.

Негодяя в лучшем смысле,
Негодяя в смысле — гений,
Потому что много мысли
Он вложил в одно из самых
Лучших своих произведений.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕН

Жена — кобыла —
Для удовлетворения плотского пыла.

Жена — корова —
Для тихого семейного крова.

Жена — стерва —
Для раздражения нерва.

Жена — крошка —
Всего понемножку.

НЕСХОДСТВО ХАРАКТЕРОВ

(БАСНЯ)

Однажды витамин,
Попавши в тмин,
Давай плясать и кувыркаться
И сам с собою целоваться.

— Кретин! —
Подумал тмин.

ДРУЖБА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

(БАСНЯ)

Однажды склочник
В Источник
Плюнул с высоты.
...С тех пор Источник
С ним на "ты".

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Весел, ласков и красив
Зайчик шел в кооператив.

1926

ЗАТРУДНЕНИЕ УЧЕНОГО

Наливши квасу в нашатырь толченый,
С полученной молекулой
Не может справиться ученый:
Молекула с пятью подобными соединяется.
Стреляет вверх, обратно падает
И моментально уплотняется.

II

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ниточка, Иголочка,
Булавочка, Утюг...
Ты моя двуколочка,
А я твой битюг.

Ты моя колясочка,
Розовый букет.
У тебя есть крылышки,
У меня их нет.

Женщинам в отличие
Крылышки даны!
В это неприличие
Все мы влюблены.

Полюби, красавица,
Полюби меня,
Если тебе нравится
Песенка моя.

ЛЮБОЧКЕ БРОЗЕЛИО

У Брозелио, у Любочки
Нет ни кофточки, ни юбочки —
Ну, а я ее люблю!

За ее за убеждения,
За ее телосложение
Очень я ее люблю.

КОРОТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Тянется ужин,
Блещет бокал:
Пищей нагружен,
Я воспылал.

Вижу — напротив
Дама сидит.
Прямо не дама,
А динамит.

Гладкая кожа,
Ест не спеша.
Боже мой, боже,
Как хороша!

Я поднимаюсь
И говорю:
— Я извиняюсь,
Но я горю!

ТАМАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Возле ягоды морошки
В галерее ботанической
На короткой цветоножке
Воссиял цветок тропический.

Это Вы — цветок, Тамара,
А морошка — это я.
Вы виновница пожара,
Охватившего меня.

* * *

Однажды красавица Вера,
Одежды откинувши прочь,
Вдвоем со своим кавалером
До слез хохотала всю ночь.

Действительно, весело было!
Действительно, было смешно!
И вьюга за форточкой выла,
И ветер стучался в окно.

1937

МАШИНИСТКЕ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ПЕЛЕРИНКИ

Ты надела пелеринку,
Я приветствую тебя!
Стуком пишущей машинки
Покорила ты меня.

Покорила ручкой белой,
Ножкой круглою своей,
Перепискою умелой
Содержательных статей.

Среди грохота и стука
В переписочном бюро
Уловил я силу звука
Ремингтона твоего.

Этот звук теперь я слышу
Днем и ночью круглый год!
Когда град стучит по крыше,
Когда сверху дождик льет,

Когда птичка распевает
Среди веток за окном,
Когда чайник запекает
И когда грохочет гром.

Пусть под вашей пелеринкой,
В этом подлинном раю,
Застучит сильнее машинки
Ваше сердце в честь мою.

ЛИДЕ

Человек и части человеческого тела
Выполняют мелкое и незначительное дело :
Для сравнения запахов устроены красивые
носы

И для возбуждения симпатии — усы.
Только вы одна и ваши сочлененья
Не имеют пошлого предназначенья.
Ваши ногти — не для поднимания иголок,
Пальчики — не для ощупывания блох,

Чашечки коленные — не для коленок,
А коленки вовсе не для ног.
Недоступное для грохота, шипения и стуков,
Ваше ухо создано для усвоенья высших
звуков.

Вы тычинок лишены, и тем не менее,
Вы все же великолепное растение.
И когда я в ручке вашей вижу ножик или
вилку.
У меня мурашки пробегают по затылку, —

Я боюсь, что от их неосторожного
прикосновения
Страшное произойдет сосудов поражение.

Если же в гостиной вашей, разливая чай,
Лида, вы мне улыбнетесь невзначай, —
Я тогда в порыве страсти и смущенья
Покрываю поцелуями печенью.

И, дрожа от радости, я кричу вам сам
не свой:

”Ура, виват, Лидочка, Ваше превосходительство мой!”

ЛИДИИ

Потерял я сон,
Прекратил питание,—
Очень я влюблен,
Милое создание.

Этого создания
Нет милей и краше,
Нету многограннее
Милой Лиды нашей.

Первый раз, когда я вас
Только лишь увидел,
Всех красавиц в тот же час
Я возненавидел...
...кроме вас.

Мною было жжение
У себя в груди замечено,
И с тех пор у гения
Сердце искалечено.

Что-то в сердце лопнуло,
Что-то оборвалось,
Пробкой винной хлопнуло,
В ухе отозвалось.

И с тех пор я мучаюсь
Вспоминая вас,
Красоту могучую,
Силу ваших глаз.

Ваши брови черные,
Хмурые, как тучки,
Родинки-смородинки,
Ручки — поцелуйчики.

В диком вожделении
Провожу всю ночь,
Проводить в терпении
Больше мне невмочь.

Пожалейте, Лидия,
Нового Овидия.
На мое предсердие,
Капни милосердия.

Чтоб твое сознание
Вдруг бы прояснилось,
Чтоб мое питание
Вновь восстановилось.

ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ ГЛЕБОВОЙ

Глебова Татьяна Николаевна! Вы
Не выходите у нас из головы.
Ваша маленькая ручка и ваш глаз
На различные поступки побуждают нас.

Вы моя действительная статская
советница.

Попечительница харьковского округа.
Пусть протянется от вас ко мне
взаимоотношений лестница.
Обсушите вы меня, влюбленного и
мокрого.

Вы, по-моему, такая интересная,
Как настурция небезызвестная!

И я думаю, что согласятся даже птицы
Целовать твои различные частицы.
Обо мне уж нечего и говорить —
Я готов частицы эти с чаем пить.

.....

Для кого вы — дамочка, для меня —
завод.

Потому что обаянья от тебя дымок
идет.

Я твой! Ласкай меня, тигрица!
Гори над нами страсти ореол!
Но почему с тобою мы не птицы?
Тогда б у нас родился маленький орел.

1930

ОЛЬГЕ МИХАЙЛОВНЕ

Блестит вода холодная в бутылке.
Во мне поползновения блестят.
И если я — судак, то ты подобна вилке,
При помощи которой судака едят.

Я страстию опутан, как катушка.
Я быстро чахну, сам не свой,
При появлении твоём дрожу, как
стружка...
Ты ж отрицательно качаешь головой.

Смешна тебе любви и страсти позолота.
Тебя влечет научная работа.

Я вижу, как глаза твои над книгами
нависли.
Я слышу шум. То знания твои шумят!
В хорошенькой головке шевелятся мысли.
Под волосами двигаясь, они кишмя кишат.

Так в роще куст стоит, наполненный
движеньем.
В нём чижик воду пьёт, забывши стыд.
В нём бабочка, закрыв глаза, поёт
в самозабвеньи.
И все стремится и летит.

И я хотел бы стать таким навек,
Но я не куст, а человек.

На голове моей орлы гнезда не вили,
Кукушка не предсказывала лет...
Люби меня, как все любили,
За то что гений я, а не клевет.

Я верю: к шалостям твой организм вернется,
Бери меня, красавица, — я твой!
В груди твоей пусть сердце повернется
Ко мне своею лучшей стороной.

1932

НАТАШЕ ШВАРЦ

(ПОСЛАНИЕ, ОДОБРЯЮЩЕЕ СТРИЖКУ ВОЛОС)

Если птичке хвост отрезать,
Она только запоет.
Если сердце перерезать —
Обязательно умрет.

Ты не птичка, но твой локон
Это тот же птичий хвост.
Он составлен из волокон,
Из пружинки и волос.

Наподобие петрушки
Разукрашен твой овал.
Покрывает всю макушку
Волокнистый матерьял.

А на самом на затылке
Светлый высыпал пушок.
Он хорошенькие жилки
Прикрывает на вершок.

О, зови, зови скорее
Парикмахера Матвея.
Пусть означенный Матвей
На тебя прольет елей.

(под елеем подразумевается одеколон)

Пусть ножи его стальные
И машинки застучат
И с твоей роскошной выи
Пух нежнейший удалят.

Где же птичка, где же локон,
Где чудесный птичий хвост,
Где волос мохнатый кокон,
Где пшеница, где овес?

Где растительные знаки,
Обрамлявшие твой лоб,
Где волокна-забияки,
Где петрушка, где укроп?

Эти пышные придатки,
Что сверкали час назад,
В живописном беспорядке
На полу теперь лежат.

И дрожит Матвей прекрасный,
Укротитель шевелюры,
Обнажив твой лоб прекрасный
И ушей архитектуру.

НАТАШЕ ШВАРЦ

(ПОСЛАНИЕ, БИЧУЮЩЕЕ НОШЕНИЕ ДЛИННЫХ ЮБОК)

Веществ во мне немало,
Во мне текут жиры,
Я сделан из крахмала,
Я соткан из икры.

Но есть икра другая,
Другая, не моя,
Другая, дорогая...
Одним словом — твоя.

Икра твоя роскошна,
Но есть ее нельзя.
Ее лишь трогать можно,
Безнравственно, скользя.

Икра твоя гнездится
В хорошеньких ногах,
Под платицем из ситца
Скрываясь, как монах.

Монахов нам не надо!
Религию долой!
Для пламенного взгляда
Икру свою открой.

Чтоб солнце освещало
Вместилище страстей,
Чтоб ножка не увяла
И ты совместно с ней.

Дитя, страшися тлена!
Да здравствует нога,
Вспорхнувшая из плена
На вешние луга!

Шипит в стекле напиток
Поднимем вверх его
И выпьем за избыток
Строенья твоего!

За юбки до колена!
За то, чтобы в чулках
Икра, а не гангрена
Сияла бы в веках!

.....
Теперь тебе понятно
Значение икры:
Она не для разврата,
Она не для игры.

1932

ЕЛИЗАВЕТЕ ИСАЕВНЕ ДОЛУХАНОВОЙ
(ПОСЛАНИЕ, БИЧУЮЩЕЕ НОШЕНИЕ ОДЕЖДЫ)

Меня изумляет, меня восхищает
Природы красивый наряд.
И ветер, как муха, летает,
И звезды, как рыбки, блестят.

Но мух интересней,
Но рыбок прелестней
Прелестная Лиза моя! —
Она хороша, как змея.

Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, техноруку —
Я твой изнутри и извне.

Мешают нам наши покровы,
Сорвем их на страх подлецам.
Чего нам бояться? Мы внешне здоровы,
А стройностью торсов мы близки к орлам.

Тому, кто живет, как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей — без штанов.

Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой.
Хочу над тобою летать,
Отбросивши брюки, штаны и рубашку —
Все то, что мешает пылать.

Коровы костюмов не носят.
Верблюды без юбок живут.
Ужель мы глупее в любовном вопросе,
Чем тот же несчастный верблюд?

Поверь, облачение не скроет
Того, что скрывается в нас,
Особенно, если под модным покроем
Горит вожделенья алмаз.

Ты слышишь, как кровь закипает?
Моя полноценная кровь!
Из наших объятий цветок вырастает
По имени Наша Любовь.

1932

ГЕНРИЕТТЕ ДАВИДОВНЕ

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
По котором страдает она!
За него, за умом небогатого
Замуж хочет, как рыбка, она.

Дорогая, красивая Груня,
Разлюбите его, кабана!
Дело в том, что у Шварца в зобу не,
Не спирает дыханье, как у меня.

Он подлец, совратитель, мерзавец,
Ему только бы женщин губить...
А слуга ваш покорный — добряк и
красавец —
Продолжает в немилости быть.

Я красив, я брезглив, я нахален,
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот индей!

.....

Полюбите меня, полюбите!
Разлюбите его, разлюбите!

ПОСЛАНИЕ АРТИСТКЕ ОДНОГО ИЗ ТЕАТРОВ

Без одежды и в одежде
Я вчера вас увидал,
Ощущая то, что прежде
Никогда не ощущал.

Над системой кровеносной,
Разветвленной, словно куст,
Воробьев молниеносней
Пронеслася стая чувств.

Нет сомнения, не злоба,
Отравляющая кровь,
А несчастная до гроба
Нерушимая любовь.

И еще другие чувства,
Этим чувствам имя — страсть.
Лиза! деятель искусства,
Разрешите к вам припасть!

ШУРОЧКЕ ЛЮБАРСКОЙ

Верный раб твоих велений,
Я влюблен в твои колени
И в другие части ног —
От бедра и до сапог.

Хороши твои лодыжки,
И ступни, и шенкеля,
Твои ножки — шалунишки,
Твои пятки — штемпеля.

Если их намазать сажей,
И потом к ним приложить
Небольшой листок бумажный —
Можно оттиск получить.

Буду я эту бумажку
Регулярно целовать
И как белую ромашку
Буду к сердцу прижимать!

Я пойду туда, где роза
Среди дудочек растет,
Где из пестиков глюкоза
В виде нектара течет.

Эта роза — ваше ухо!
Так же свернуто оно,
Тот же контур, так же сухо
По краям обведено.

Это ухо я срываю
И шепчу в него, дрожа,
Как люблю я и страдаю
Из-за вас, моя душа.

И различные создання
Всех размеров и мастей
С очевидным состраданием
Внемлют повести моей.

Вот платком слезу стирает
Лицемерная пчела.
Тихо птица вылетает
Из секретного дупла.

И летит она и плачет,
И качает головой...
Значит, жалко ей, и, значит,
Не такой уж я плохой.

Видишь! Все в природе внемлет
Вожделениям моим...
Лишь твое сознание дремлет,
Оставаясь глухим.

Муха с красными глазами
Совершает свой полет...
Плачет горькими слезами
Человечества оплот.

Кто — оплот? Конечно — я.
Значит, плачу тоже я.

Почему я плачу, Шура?
Очень просто: из-за вас.
Ваша чуткая натура
Привела меня в экстаз.

От экстаза я болею
Сновидения имею,
Ничего не пью, не ем
И худею вместе с тем.

Вижу смерти приближенье,
Вижу мрак со всех сторон,
И предсмертное круженье
Насекомых и ворон.

Хлещет вверх моя глюкоза
В час последний, роковой.
В виде уха, в виде розы
Появись передо мной.

ШУРЕ ШВАРЦ

Ты не можешь считаться моим идеалом
Но я все же люблю тебя, крошка моя.
И когда ты смеешься своим
 симметричным оскалом,
Я, быть может, дрожу, страсть в груди затая.

Ты, танцую, меня погубила.
Превратила меня в порошок,
И я даже не первый, кого загнала ты в могилу
Я тебе не прощу сей капризный штришок.

Я от танцев твоих помираю.
Погубила меня ты, змея.
Был я ангелом, стал негодяем.
Я люблю тебя, крошка моя.

ЕЙ ЖЕ

Я — мерзавец, негодяй,
Сцапал книжку невзначай.
Ах, простите вы меня,
Я воришка и свинья.
Автор книжки — В. Оствальд,
Ухожу я на асфальт.

ЕЙ ЖЕ

Ах, Шура, дорогая,
Пляши, пляши, пляши.
Но в плясках утопая,
Не забывай души.

Душа есть самое драгое,
Что есть у нас, что есть у вас.
О детство, детство золотое,
Ушло ты навсегда от нас.

Балетоман Макар Свирепый

ШУРОЧКЕ

(НА ПРИОБРЕТЕНИЕ НОВЫХ ТУФЕЛЕК)

**О ножки-птички, ножки-зяблики,
О туфельки, о драгоценные кораблики,
Спасибо вам за то, что с помощью
 высоких каблучков
Вы Шурочку уберегли от нежелательных
 толчков.**

НАУКА И ТЕХНИКА

Я ем сырые корешки,
Питаюсь черствою корою
И запиваю порошки
Водопроводною водою.

Нетрудно порошок принять,
Но надобно его понять
Вот так и Вас хочу понять я —
И Вас, и наши обоюдные объятья.

ЛЮБОВЬ

Скрипит диванчик —
Мы с вами тут.
У нас романчик,
И вам капут.

Вы так боялись
Любить меня,
Сопротивлялись
В течение дня.

Я ваши губки
Поцеловал.
Я ваши юбки
Пересчитал.

Их оказалось
Всего одна —
Тут завязалась
Меж нами страсть.

Но стало скучно
Мне через час.
Собственноручно
Прикрыл я вас.

Мне надоело
Вас обнимать —
Я начал смело
Отодвигать.

Вы отвернулись —
Я замолчал.
Вы встрепнулись —
Я засыпал.

Потом под утро
Смотрел на вас.
Пропала пудра.
Закрылся глаз.

Вздохнул я страстно
И вас обнял,
И вновь ужасно
Диван дрожал.

Но это было
Уж не любовь!
Во мне бродила
Лишь просто кровь.

Ушел походкой
В сияньи дня.
Смотрели кротко
Вы на меня.

Вчера так крепко
Я вас любил —
Порвалась цепка,
Я вас забыл.

Любовь такая
Не для меня.
Она святая
Должна быть, да.

ВАЛЕ ШВАРЦ

Вы вот, Валя, меня упрекали:
Я увлекся, а вы... никогда.
Почему ж вы меня презирали
И меня довели до суда?

До суда довели, до могилы,
До различных каких-то забот,
Между тем, как любовь Неонилы
Мне была бы вернейший оплот.

Да, оплот! И, наверное,
Я теперь бы еще проживал
И на этой планете, наверное,
Счастье я бы наверно узнал.

Между тем, поглядите — я нищий,
И больной, и слепой, и хромой,
И зима подступает и свищет
Замогильный и жалобный вой.

Что же, Валя, рассудим спокойно
И спокойно другу другу простим.
Ты, конечно, вела себя недостойно
И убила во мне мой стимул.

Да, убила, и я убивался
И не раз погибал, погибал.

Умирая, я вновь наслаждался...
Но напрасно, друзья, я страдал!

Половых излишеств бремя
Тяготееет надо мной,
Но уже настало время
Для тематики иной.

Моя новая тематика
Это вы и математика.

ЛИДЕ
(СЕМЕЙСТВУ ЖУКОВЫХ)

Среди белых полотенец
На роскошном тюфяке
Дремлет дамочка-младенец
С погремушкою в руке.

Ровно месяц эта дама
Существует среди нас.
В ней четыре килограмма,
Это — девочка-алмаз.

А теперь, друзья, взгляните
На родителей Наташи
У нее папаша — Митя,
Лидой звать ее мамашу.

Поглядите, поглядите
И бокалы поднимите.

1936

ЛИДЕ
(НАДПИСЬ НА КНИГЕ)

Прими сей труд.
Он красотой напоминает чай.
Читай его.
Скорби.
Надейся.
Изучай.
Но пожалей несчастного меня,
Смиренного редактора Макара
За то, что вместо пышного пучка огня
Я приношу тебе лишь уголь тлеющий из самовара.
Сей самовар мое к вам отношение,
А уголь — данное стихотворение.

ВЕРОЧКЕ

Верочка, Верочка!
Ваше кокетство
Нужно бы
По-придержать.

Вы применяете
Средства,
Коих нельзя
Применять.

Вы покоряете
Сразу
Всех окружающих
Вас.

Сеете страсть,
Как заразу,
Будучи сами
Алмаз.

1937

* * *

Нежный лобик в преизбытке
Покрывают волоса.
На лице, как на открытке
Нарисованы глаза.

Кто такая эта дуся,
Статуэточка точь-в-точь?
Ох, боюсь! Ох, боюсь:
Это Буревого дочь.

1937

III

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Пойду я в контору "Известий",
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу.
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной,
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Собака при виде меня не залает,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом.

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.
Я видел лицо негодяя,
Волос напomaженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал.

Я крикнуть хотел и не крикнул,
Заплакать хотел и не смог.
"Привыкну, — сказал я, — привыкну!"
Однако привыкнуть не мог.

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

Я шутики шутил — оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

Я черного яду купил в магазине,
В карман положил пузырек,
Я вышел оттуда шатаюсь,
Ко лбу прижимая платок.

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас.

1932

ПАВЛЕ ФЕДОРОВНЕ

Вчера представлял я собою роскошный
сосуд.

А ныне сосут мое сердце пиявки,
сосут.

В сосуде моем вместо сельтерской — яд.
Разрушен желудок, суставы скрипят...

Тот скрип нам известен под именем
Страсть.

К хорошеньким мышцам твоим разреши
мне припасть —

Быть может, желудок поэта опять
расцветет,

Быть может, в сосуде отсутствует мед.
Но мышцы свои мне красotka, увы, не
дает.

И снова в сосуде отсутствует мед.
И снова я весь погружаюсь в мрак.
Один лишь желудок мерцает — пошляк.

1932

БЫЛЬ, СЛУЧИВШАЯСЯ С АВТОРОМ В Ц. Ч. ОБЛАСТИ
(Послание, бичующее разврат)

Генриху Левину

Пришел я в гости, водку пил,
Хозяйкин сдерживая пыл.

Но водка выпита была
Меня хозяйка увлекла.

Она меня прельщала так:
"Раскинем с вами бивуак,

Поверьте, насмешу я вас:
Я хороша, как тарантас".

От страсти тяжело дыша,
Я раздеваюсь шурша.

Вступив в опасную игру,
Подумал я: "А вдруг помру?"

Действительно, минуты не прошло,
Как что-то из меня ушло.

Душою было это что-то.
Я умер. Прекратилась органов работа.

И вот, отбросив жизни груз,
Лежу прохладный, как арбуз.

Арбуз разрезан. Он катился,
Он жил, и вдруг остановился.

В нем тихо вянет косточка, блоха,
И капает с него уха.

А ведь не капала когда-то!
Вот каковы они, последствия
разврата.

1932

ЧРЕВОУГОДИЕ

(БАЛЛАДА)

Однажды, однажды
Я вас увидел.
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.

Но в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:

”Без хлеба и масла
Любить я не мог.
Чтоб страсть не угасла
Пеките пирог!

Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня.

Поите, кормите
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.

От мяса и кваса
Исполнен огня,

Любить буду нежно,
Красиво, прилежно.
Кормите меня!”

Татьяна выходит,
На кухню идет,
Котлету находит
И мне подает.

Исполнилось тело
Желаний и сил,
И черное дело
Я вновь совершил.

И снова котлета,
Я снова любил,
И так до рассвета
Себя я губил.

Заря занималась,
Когда я уснул.
Под окнами пьяный
Кричал ”караул!”

Дремал я в постели
Три ночи, три дня,
И кости хрустели
Во сне у меня.

Но вот я проснулся,
Слегка застонал...
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.

Я ногу хватаю —
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю —
Оно не стучит.

Тут я помираю.
Зарытый, забытый
В земле я лежу.
Попоной прикрытый,
От страха дрожу.

Дрожу оттого я,
Что начал я гнить,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.

Я пищи желаю,
Желаю котлет,
Красивого чаю,
Красивых конфет.

Любви мне не надо.
Не надо страстей,
Хочу лимонаду,
Хочу овощей!

Но нет мне ответа,
Скрипит лишь доска,
И в сердце поэта
Вползает тоска.

Но сердце застынет,
Увы, навсегда,
И желтая хлынет
Оттуда вода.

И мир повернется
Другой стороной,
И в тело вопьется
Червяк гробовой.

1932

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН

Чарльз Дарвин, известный ученый,
Однажды синичку поймал.
Ее красотой увлеченный,
Он зорко за ней наблюдал.

Он видел головку змеиную
И рыбий раздвоенный хвост,
В движениях что-то мышиное
И в лапках — подобие звезд!

”Однако, — подумал Чарльз Дарвин —
Однако синичка сложна.
С ней рядом я просто бездарен.
Пичужка, а как сложена!

Зачем же меня обделила
Природа своим пирогом,
Зачем безобразные щеки вручила,
"И пошлые пятки, и грудь колесом?"

Тут горько заплакал старик
 омраченный
Он даже стреляться хотел...
Был Дарвин великий ученый,
Но он красоты не имел.

О НУЛЯХ

Приятен вид тетради клетчатой:
В ней нуль могучий помещен,
А рядом нолик искалеченный
Стоит, как выжатый лимон.

О, вы нули мои и нолики,
Я вас любил, я вас люблю!
Скорей лечитесь, меланхолики,
Прикосновением к нулю!

Нули — целебные кружочки,
Они — врачи и фельдшера,
Без них больной кричит от почки,
А с ними он кричит ура.

Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венок,
А лучше нолик положите
На мой печальный бугорок.

IV

ИЗ ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

В чертогах смородины красной
Живут сто семнадцать жуков,
Зеленый кузнечик прекрасный,
Четыре блохи и пятнадцать сверчков.
Каким они воздухом дышат!
Как сытно и часто едят!
Как низко над ними колышет
Смородина свой виноград !

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Т. Г. Г.

Вот птичка жирная на дереве сидит,
То дернет хвостиком, то хохолком
пошевелит.

Мой грубый глаз яйцеподобный
В ней видит лишь предмет съедобный.

И вдруг однажды вместо мяса, перьев
и костей

Я в ней увидел выражение божественных
идей.

Перемените же и Вы по случаю рождения
Ко мне пренебрежительное отношение.

МУХА

Я муху безумно любил.
Давно это было, друзья,
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Бывало, возьмешь микроскоп,
На муху наводишь его —
На щечки, на глазки, на лоб,
Потом на себя самого.

И видишь, что я и она,
Что мы дополняем друг друга.
Что тоже в меня влюблена
Моя дорогая подруга.

Кружилась она надо мной,
Стучала и билась в стекло.
Я с ней целовался порой,
И время для нас незаметно текло.

Но годы прошли, и ко мне
Болезни сошлись толпой —
В коленках, ушах и спине
Стреляют одна за другой.

И я уже больше не тот.
И нет моей мухи давно.

Она не жужжит, не поет,
Она не стучится в окно.

Забывшие чувства стучатся в груди,
И сердце мне гложет змея.
И нет ничего впереди.
О муха, о птичка моя!

ТАРАКАН

Таракан попал в стакан.
Достоевский.

Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню "Тройка удалая".

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет, она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,

Что печенка, кости, сало —
Вот что душу образует.

Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья.

Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.

Вот палач к нему подходит,
И, ощутив ему грудь,
Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть.

И проткнувши, набок валит
Таракана, как свинью,
Громко ржет и зубы скалит,
Уподобленный коню.

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат.
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат...
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Все в прошедшем — боль, невзгоды.
Нету больше ничего.

И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: "Папа, папа!"
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мертвый таракан —
Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадет.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

КАРАСЬ

И . С. Болдыревой

Маленькая рыбка,
Жареный карась —
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Бедный мой карась,
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где сковорода?

Помню вас ребенком —
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под волной Невы.

Карасихи-дамочки
Обожали вас,
Чешую да ямочки.
Да ваш рыбий глас.

Бюстики у рыбок —
Просто красота!

Трудно без улыбок
В те смотреть места.

Но однажды утром
Встретилась вам
В блеске перламутра
Дивная мадам.

Дама та сманила
Вас к себе в домик,
Но у той у дамы
Слабый был умок.

С кем имеет дело,
Ах, не поняла!
Соблазнивши, смело
С дому прогнала.

И решил несчастный
Тотчас умереть.
Ринулся он страстный,
Ринулся он в сеть.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки.

А ведь жизнь прекрасною
Рисовалась вам!
Вы считались страстными
Попромежду дам!...

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любу "корюшкою"
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода.
Не поплыть карасику
Больше никуда.

1927

ЖУК-АНТИСЕМИТ

Уж солнышко не греет
И ветры не шумят,
Одни только евреи
На веточках сидят.

В лесу не стало мочи,
Не стало и житья:
Абрам под каждой кочкой.
Да... Множество жидья!

Летит жук, жужжит:
—Ж-ж-жид!

Воробей — еврей,
Канарейка — еврейка,
Божья коровка — жиловка,
Термит — семит,
Грач — перхач...

—Бабочка, бабочка,
Где же твой папочка?
—Папочка мой утонул!

—Бабочка, бабочка,
Где твоя мамочка?
—Мамочку съели жидаы!

Ох, эти жидочки,
Ох, эти пройдохи,
Жены их и дочери
Носят только дохи.
Дохи их греют,
Дохи их ласкают,
А кто не евреи —
Те все погибают.

**ГЕНРИХУ ЛЕВИНУ ПО СЛУЧАЮ ВЛЮБЛЕННОСТИ
ЕГО В ШУРОЧКУ**

Неприятно в океане
Почему-либо тонуть!
Рыбки плавают в кармане,
Впереди неясен путь.

Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал —
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал?

Все равно надежды нету
На ответную струю.
Лучше сразу к пистолету
Устрями мечту свою.

Есть печальные примеры —
Ты про них не забывай —
Как любовные химеры
Привели в загробный рай.

Если ты посмотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невеселые сидят,
Словно запертые в клетке,
Наши старые знакомые —
Небольшие насекомые:
То есть пчелы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе

Букву Ж изготавливали,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.

И бледна и нездорова
Там одна блоха сидит
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид.

Она бешено влюбилась
В кавалера одного!
Помню, как она резвилась
В предвкушении его.

И глаза ее блестели.
И рука ее звала,
И близка к заветной цели
Эта дамочка была.

Она юбки надевала
Из тончайшего пике,
И стихи она читала
На блошином языке.
И про ножки, и про ручки,
И про всякие там штучки
Насчет похоти и брака...
Оказалось, однако,
Что прославленный милашка
Не котенок, а хам!
В его органах кондрашка,
А в головке тарарам.

Он ее сменял на деву —
Обольстительную мразь,
И в ответ на все напевы
Затоптал ногами в грязь.

И теперь ей все постыло —
И наряды, и белье,
И под лозунгом "Могила"
Догорает жизнь ее.

Страшно жить на этом свете:
В нем отсутствует уют —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут.

Улетает птица с дуба,
Ищет мяса для детей,
Провидение же грубо
Предлагает ей червей.

Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника.
Рыбка бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Все погибнет, все исчезнет —
От бациллы до слона —
И любовь твоя, и песни,
И планеты, и луна.

И блоха, мадам Петрова,
Что сидит к тебе в анфас,
Умереть она готова,
И умрет она сейчас.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Шумит земляника над мертвым жуком.
В траве его лапки раскинута.
Он думал о том и он думал о сем —
Теперь из него размышления вынуты.

И вот он коробкой пустою лежит,
Раздавлен копытом коня,
И хрящик сознания в нем не дрожит,
И нету в нем больше огня.

Он умер, и он позабыт, незаметный
герой.
Друзья его заняты сами собой.

От страшной жары изнывает паук,
На нитке отдельной висит.
Гремит погремушками лук.
И бабочка в клюве сидит.

Не в силах от счастья лететь,
Лепечет, лепечет она.
Ей хочется плакать, ей хочется
петь.

Она вождельня полна.

Вот ягода падет вниз,
И капли стучат в тишине,

И тля муравьиная бежит близ,
И мухи бормочут во сне.

А там, где шумит земляника,
Где свищет укроп-молодец,
Не слышно ни пенья, ни крика —
Лежит равнодушный мертвец.

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ

Я описал кузнечика, я описал пчелу,
Я птиц изобразил в разрезах
полагающихся,
Но где мне силы взять, чтоб описать
смолу
Твоих волос, на голове распола-
гающихся?

Увы! Не та во мне уж сила,
Которая девиц, как смерть, косила!
И я не тот. Я перестал безумствовать
и пламенеть,
И прежняя в меня не лезет снесь.

Давно уже не ночуют утки
В моем разрушенном желудке.
И мне не дороги теперь любовные
страдания —
Меня интересует мирозданье.

Я стал задумываться над пшеном,
Зубные порошки меня волнуют.
Я увеличиваю бабочку увеличительным
стеклом:
Строенье бабочки меня интересует.

Везде преследуют меня — и в учреждении,
и на бульваре —
Заветные мечты о скипидаре,

Мечты о спичках, мысли о клопах,
О разных маленьких предметах,
Какие механизмы спрятаны в жуках,
Какие силы действуют в конфетах.
Я понял, что такое рожки,
Зачем грибы в рассол погружены,
Какой имеют смысл телеги, беговые
дрошки,
И почему в глазах коровы отражаются
окошки,
Хотя они ей вовсе не нужны.

Любовь пройдет, обманет страсть.
Но лишена обмана
Волшебная структура таракана.
О тараканьи растопыренные ножки,
 которых шесть!
Они о чем-то говорят, они по
 воздуху каракулями пишут,
Их очертания полны значенья тайного...
Да, в таракане что-то есть,
Когда он лапкой двигает и усиком
 колышет.

... А где же дамочки, вы спросите,
где милые подружки,
Делившие со мною мой ночной досуг?
Телосложением напоминавшие
графинчики,
кадушки —
Куда они девались вдруг?

Иных уж нет. А те далече.
Сгорели все они, как свечи.
А я горю другим огнем, иным желаньем —
Ударничеством и соревнованьем!

Зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные тела:
В траве жуки проводят время
 в занимательной беседе,
Спешит кузнечик на своем велосипеде;
Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка...
Бежит... Бежит... Я вижу резвость эту,
 и меня берет тоска,
Мне тяжело!

Я вспоминаю дни,
 когда я свежестью превосходил коня,
И гложет тайный витамин меня,
И я, моля, сжимаю руки,
Гляжу на травы, не дыша...
Но бьет тимпан! И над служителем науки
Восходит солнце не спеша.

К „ЖЕНИТЬБЕ” ГОГОЛЯ

(ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА ДЛЯ РЕКЛАМНОГО
РОЛИКА К КИНОФИЛЬМУ)

Вот как начнешь подумывать да на
досуге размышлять.
То видишь, наконец, что точно, —
надобно жениться, —
Женатый человек способен жизни
назначенье понимать,
И для него все это как-то движется,
все испаряется, и как-то все стремится.
Жениться, обязательно жениться!

Вот как начнешь подумывать да на
досуге размышлять,
То видишь, что женатый человек
тяжелое к себе на спину взваливает бремя.
А впрочем, может быть, наскучил вам...
Тогда не стану продолжать...
Позвольте... как-нибудь... в другое время...

Все вышеперечисленное вы увидите в картине,
Которая еще не шла доныне.
На днях пойдет. Спешите видеть.
Чтобы добро понять и зло возненавидеть.

ПАРОДИЯ НА „МУХУ-ЦОКОТУХУ”

1

Муха жила в лесу,
Муха пила росу,
Нюхала муха цветы —
(Нюхивал их и ты!).
Пользуясь общей любовью,
Муха питалась кровью.
Вдруг раздается крик:
Муху поймал старик.
Был тот старик паук —
Страстно любил он мух.

2

...Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка.
Видела муха лес,
Полный красот и чудес:
Жук пролетел на закат,
Жабы в траве гремят.
Сыплется травка сухая
.....
Милую жизнь вспоминая,
Гибла та муха, рыдая.

3

...И умирая.

4

Доедает муху паук.
У него 18 рук,
У нее ни одной руки,
У нее ни одной ноги,
Ноги сожрал паук,
Руки сожрал паук,
Остается от мухи пух.
Испускает тут муха дух.

5

Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка.

1934

V

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

— Мысли об искусстве —

ПОРТРЕТ ВОЕННОГО

Через плечо висит на перевязи шпага,
а на талии
Крючками укреплен широкий пояс из
тисненой кожи.
Рука военного покоится на пистолетном ложе,
Украшенном резным изображением баталии.

ПОРТРЕТ ИАКОВА I
(РАБОТЫ РУБЕНСА)

Король Британии сидит на облаке,
 ногою левой попирая мир.
Над ним орел, парящий в воздухе,
 сжимает молнии в когтях.
Два гения — один с огромной чашей,
Похожею на самовар,
Другой — с жезлом серебряным в руках —
Склоняются к ногам непобедимого владыки.
Внизу вдали идут в цепях закованные
 пленники.

НИМФЫ

(КАРТИНА АБРАГАМА ВАН КЕЙЛЕНБОРХА)

В обширном гроте, в глубине его, сидят
на камнях две полунагие нимфы.
В корзине возле них лежит колчан со
стрелами и лук.
Держа в руках ореховую ветку, третья нимфа
Взлетает вверх на каменную глыбу,
Покрытую малиновою драпировкой.
Тут же, на переднем плане, — две собаки.
Одна из них схватила кость, другая — лает.
Через широкое отверстие, сделанное
в гроте, открывается пейзаж.
Вдали синеют горы, ближе — озеро сверкает
и ручей.
В ручье купаются еще четыре нимфы, из
которых две сидят верхом на спинах
у других.

ПЬЯНИЦА
(КАРТИНА КРАСБЕКА)

В убогой горнице перед пылающим камином
Сидит на стуле человек.
Его кровать, покрытая когда-то балдахином,
Стоит в углу, забытая навек.
Сидящий трубку курит и мечтает,
Прилежно глядя на огонь.
Слуга вино ему из глиняной посуды наливает,
Забрав стакан в широкую ладонь.
Мужик схватил другой стакан и смотрит,
Через стекло любуясь вином...
Слуга молчит, желая приободрить хозяина.

ХУДОЖНИКА ЗАПАМЯТОВАЛ

В раскинутой под деревом палатке
Сидят за столиком две дамы и солдат.
Вокруг разбросаны тюки и седла в бес-
порядке.
В углу бочонки с порохом стоят.

СРЕДИ ФИГУРОК

Среди фигурок можно различить
 военачальника в расшитой епанче,
Его коня, его немногочисленную свиту,
Его врагов — двух всадников,
 съезжающих с холма в цветущую долину,
У одного из них мы видим на плече
Висящую на ленте мандолину. •

ОПЯТЬ ВОЕННОЕ

На всем скаку из пистолета
Стреляет в пешего солдат.
На нем винтовочка надета
И бомбы-дьяволы висят.
А рядом труп кавалериста...
В ушах звенит призыв горниста.

ОПИСАНИЕ ЕЩЕ ОДНОЙ КАРТИНЫ

- А. Мадонна держит каменный цветок гвоздики
В прекрасной полусогнутой руке.
Младенец, сидя на земле с букетом повилики,
Разглядывает пятнышки на мотыльке.
Мадонна в алой мантии и синей ризе,
И грудь ее полуобнажена.
У ног младенца поместились на карнизе
Разрезанный лимон и рюмочка вина.
- Б. В Одной руке младенец держит ножик,
В другой — разрезанный лимон.
Козленок с парюю коротких ножек
Стоит невдалеке, петрушкою пленен.
Одетый в желтую одежду
И с черной меховою шапкою на голове,
Стоит Иосиф, как невежда,
Читая книжечку, раскрытую в траве,
- В. В желтой одежде Иосиф
С шапкою черной в руке,
Цепь золотую отбросив,
Молча стоит вдалеке,
Радуюсь свежей обновке —
В шитых цветах епанча
(Сзади висят драпировки,
Бархат, сукно и парча,

Книга раскрыта большая,
Крупный разрезан лимон) ,
Левой ногой попирая
Ящик, рога и баллон.

НУ И НУ!

В пурпуровой мантии в черной норе,
В пещере на камне устроился Лот.
А рядом — одна из его дочерей
Сидит, оголивши живот.

Другая — вино виноградное льет
Из чаши стеклянной в сосуд золотой
И голую ногу к нему на колени
Она, прижимаясь, кладет.

Вдали погибающий виден Содом,
Он пламенем красным объят.
И в красных рубахах, летя над костром,
Архангелы в трубы трубят.

ВЫВОДЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Эффект полуденного освещения
Сулит художнику обогащение.
2. Разврата плечи белые
На вид для взгляда таковы,
Что заставляют взгляды смелые
Спускаться ниже головы.
3. У одного портрета
Была за рамой спрятана монета.
Немало наших дам знакомых
Вот так же прячут насекомых!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Предисловие	3
-----------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Хвала изобретателям	17
На выздоровление Генриха	19
Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса	21
Шварцу	22
Неблагодарный пайщик	23
На именины хирурга Грекова	24
Супруге начальника (На рождение девочки)	25
Классификация жен	26
Несходство характеров	27
Дружба как результат вымогательства (басня)	28
Детские стихи	29
Затруднение ученого	30

II

Посвящение	33
Любочке Брозелио	34
Короткое объяснение в любви	35
Тамаре Григорьевне	36
Однажды красавица Вера	37
Машинистке на приобретение пелеринки	38
Лиде	39
Лидии	41
Татьяне Николаевне Глебовой	43
Ольге Михайловне	45
Наташе Шварц (Послание, одобряющее стрижку волос)	47
Наташе Шварц (Послание, бичующее ношение длинных юбок)	49
Елизавете Исаевне Долухановой (Послание, бичующее ношение одежды)	51
Генриетте Давыдовне	53
Послание артистке одного из театров	54
На день рождения Груни	55
Шурочке Любарской	56

Шуре Шварц	59
Шурочке (На приобретение новых туфельек)	61
Наука и техника	62
Любовь -.	63
Вале Шварц	65
Лиде (Семейству Жуковых)	67
Лиде (Надпись на книге)	68
Верочке	69
Нежный лобик в преизбытке	70

III

Перемена фамилии	73
Павле Федоровне	76
Быль, случившаяся с автором в Ц. Ч. области	77
Чревоугодие (баллада)	79
Чарльз Дарвин	82
О нулях	83

IV

Из жизни насекомых	87
На день рождения Т. Г. Г.	88
Муха	89
Таракан	91
Карась (И. С. Болдыревой)	94
Жук-антисемит	97
Генриху Левину по случаю влюбления его в Шурочку	99
Смерть героя	103
Служение науке	105
К „Женитьбе” Гоголя	108
Пародия на „Муху-Цокотуху”	109

V

Портрет военного	113
Портрет Иакова 1 (работы Рубенса)	114
Нимфы (картина Абрагама ван Кейленборха)	115
Пьяница (картина Красбека)	116
Притча о работниках в винограднике (картина художника Конинка)	117
Художника запечатывал	118
Среди фигурок	119
Опять военное	120
Описание еще одной картины	121
Ну и ну!	123
Выводы и размышления	124

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК"

Алексей РЕМИЗОВ. Кукха. Розановы письма

Константин ВАГИНОВ. Козлиная песнь.

Константин ВАГИНОВ. Труды и дни Свистонова

Василий АКСЕНОВ. Затоваренная бочкотара. Рандеву.

**Александр ЧАЯНОВ. Путешествие моего брата Алексея в страну
крестьянской утопии**

Сергей ДОВЛАТОВ. Компромисс

Альманах „Часть речи“.

Михаил БУЛГАКОВ. Записки на манжетах.

Николай ОЛЕЙНИКОВ. Иронические стихи

Венедикт ЕРОФЕЕВ. Глазами эксцентрика

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Мое завещание

Аполлинария СУСЛОВА. Годы близости с Достоевским

Маркиз де КЮСТИН. Записки о России

Василий ЯНОВСКИЙ. Американский опыт

Владислав ХОДАСЕВИЧ. Белый коридор, воспоминания

Владислав ХОДАСЕВИЧ. Колеблемый треножник, статьи

Яков ГОЛОСОВКЕР. Достоевский и Кант

Андрей ПЛАТОНОВ. Впрок

Михаил БАХТИН. Формальный метод в литературоведении

Михаил БАХТИН. Фрейдизм

Михаил ГЕРШЕНЗОН. Судьбы еврейского народа

Даниил ХАРМС. Из дома вышел человек

Леонид ДОБЫЧИН. Встречи с Лиз

Андрей НИКОЛЕВ. Елисейские радости

Марк СЛОНИМ. Марина Цветаева в Праге и в Париже

Б. ФОНДАН. Разговоры с Шестовым

SILVER AGE PUBLISHING

P. O. Box. 384 Rego Park, N.Y. 11374

Николай Олейников писал в эпоху маниакальной серьезности. В эпоху метростроев и днепрогэсов. Громяхующих сталинских од и клубящихся производственных эпоей.

В эти годы Олейников написал знаменитые стихи про таракана. Таракан получился яркой и монументальной фигурой. Как вожди в произведениях других авторов. Задолго до «самиздата» стихи Олейникова распространялись в списках. Но своей несерьезностью Олейников подрывал официально провозглашенную серьезность.

Несерьезность была серьезным преступлением. Олейникова уничтожили как «врага народа».

